

Философия рода и лика о. Павла Флоренского

Алексей Гришин Алексеевич

Выпускник (специалист)

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

E-mail: wickeddar@yandex.ru

Нередко при характеристике русской философии среди её основных черт выделяют персонализм. Возможно одним из наиболее пламенных апологетов личности и её свободы в русской мысли является Н. А. Бердяев. Что же, по Бердяеву, ограничивает свободу личности в наибольшей степени? Одним из главных таких ограничителей, по мнению философа, является род. Так, в своей работе «Метафизика пола и любви» он утверждает, что «... в мире борются два враждебные метафизические начала - личное и родовое» [Бердяев: 384]. Основываясь на указанном тексте и несколько схематизируя мысль философа, можно сказать, что личность и индивидуальность для него - абсолютное благо, в то время как род, рождение и всё, что с ними связано - некое подобие абсолютного зла. Тема восприятия пола, рода и личности у Н. А. Бердяева требует особого исследования. В данном случае мысль Бердяева рассматривается как образец определённой и достаточно сильной тенденции восприятия сфер пола, рода и семьи. Так, в христианской традиции подобная тенденция нашла мощное отражение в святоотеческом предании, в русской философии к этому направлению могут быть отнесены такие известные мыслители как В. С. Соловьёв (трактат «Смысл любви» и др.), А. Ф. Лосев (ряд утверждений в «Диалектике мифа») и другие. Но является ли подобный, объявляющий личность и род непримиримыми врагами подход единственным в русской мысли? При более подробном обращении к истории русской философии становится ясно, что существуют и другие варианты рассмотрения этой проблемы, и в размышлении на эти темы представляется конструктивным обратиться к мысли современника и оппонента Бердяева священника Павла Флоренского.

Тема личности в мысли Флоренского, как и в творчестве Бердяева, является одной из ключевых. Однако вариант разрешения Флоренским вопроса о свободе личности и её взаимоотношениях с родом принципиально отличается от того, что предлагает Бердяев. Для более рельефного проведения различий между подходами к рассматриваемым вопросам двух философов, а, соответственно, и двух направлений мысли, представляется целесообразным обратиться к фрагменту стихотворения В. С. Соловьёва, которым Флоренский заключает свою программную статью «Общечеловеческие корни идеализма»: «Свет из тьмы! Над чёрной глыбой // Вознестися не могли бы // Лики роз твоих // Если б в сумрачное лоно // Не впивался погружённый // Тёмный корень их» [Флоренский 2007: 29]. Так, представляется важным, что здесь говорится именно о «ликах» роз. Однако только ли лики интересуют Флоренского? Можно было бы предположить, что для Бердяева ответ был бы вполне однозначным - его, как представляется, действительно интересуют лишь «лики» - то есть личность и индивидуальность. Между тем для Флоренского не менее чем «лики роз» важны образы «чёрной глыбы», «сумрачного лона» и впивающегося в них «тёмного корня».

Что же такое для Флоренского эта «чёрная глыба»? В упомянутой статье Флоренского это народное мирозерцание, которое, по его убеждению, является питательной средой, из которой возник платонизм. Однако, как думается, в общем контексте творчества Флоренского этот образ наполняется новыми смыслами и может быть прочитан иначе. Одной из ключевых в жизни и мысли Флоренского является тема рода и семьи. Между тем обращение к этим темам для мыслителя является результатом преодоления тяжелейшего мировоззренческого кризиса, разрешившегося вступлением в брак и принятием священнического сана. Так, во фрагменте, озаглавленном «Возрасты», этот период своей жизни

Флоренский характеризует следующим образом: «Профессура: кризис фарисейства: открытие рода» [Флоренский 1992: 246]. Так, можно предположить, что упомянутые образы «сумрачного лона», «чёрной глыбы» и «тёмного корня» в мысли Флоренского могут быть соотнесены именно со сферой рода и семьи. В известной мере это подтверждается обращением Флоренского к образу пещеры, в наиболее проявленной форме выраженному в письме к В. В. Розанову, которое в качестве предисловия вошло в книгу «У водоразделов мысли»: «Сойди в себя — и узришь обширные своды. . . . Сердца всех существ пульсируют в этих недрах. Тут, от мглы и лучей, рождаются все вещи мира. Тут ткется, из ритмических колебаний, быстрых и медленных, глухих и звонких, из гулов и пещерных отзвучий, — живой покров, что называется Вселенной» [Флоренский 2000: 30-31]. Интерпретации этого фрагмента может помочь своего рода «параллельное место» для этой цитаты, имеющееся у В. В. Розанова, и возможно вдохновлявшее Флоренского в его размышлениях: «Но теперь перейдем же к отделившимся и главным, нижним точкам пола. Все то, что в лице дано в порядке логического выражения, здесь дано в порядке реального созидания. Это - зиждущие точки, зиждущие самую жизнь, ткущие ее на таинственном станке. . . . это - материнские пустоты, владычественные по отношению к самым вещам» [Розанов: 29]. Сходство этих текстов очевидно. И сопоставляя их можно заключить, что средоточие и существо означенной «пещеры» или «сумрачного лона» - это именно «зиждущие точки пола». И, как представляется, именно обращение к этим «точкам» и сопричастность им становится основанием «преодоления фарисейства» и вокруг них строится новая философия Флоренского - философия пола и рода.

Одним словом, если следовать мысли Флоренского, истинное обретение себя, своей личности («лика») для человека возможно лишь посредством обретения сопричастности к традиции, в частности к роду («сумрачное лono»), происходящего в семье. Совершенно ясна противоположность подобных мыслей подходу Бердяева. Если согласно Бердяеву и его единомышленникам для обретения себя необходимо очиститься от рода и всего родового как от скверны и оттолкнуться от этого, то, по Флоренскому, совершенно напротив, необходимо установить сопричастность со стихией родового, в известной мере потерять себя, даже умереть, но лишь таким образом возможно обретение себя, своей личности в истинной полноте. Рассмотрению этих вопросов и будет посвящен доклад.

Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Философия любви. Ч. 2. Антология любви / Сост. А. А. Ивин. М.: Политиздат, 1990.

Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешённого. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995.

Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 2000.

Флоренский Павел, свящ. Детям моим. Воспоминая прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: Моск. рабочий, 1992.

Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007.